

Трибуна молодого автора

УДК 821

Н.Е. Купцова

КАВКАЗ В РОМАНЕ «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» В РЕЦЕПЦИИ АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В статье сделан детальный анализ восприятия Кавказа, изображенного в романе «Герой нашего времени», исследователями из США в хронологическом и в концептуальном аспектах. Показаны различные точки зрения американских литературоведов. У большинства из них в первую очередь вызывает интерес тема формирования Российской империи и ее отражение в литературе того периода. Исследователи из США рассматривают роман «Герой нашего времени» как источник информации о кавказской войне; их внимание останавливается на восприятии войны и местных народов русским офицером, воюющим на Кавказе, а также на красочных и реалистичных описаниях кавказских пейзажей, которые, по мнению ученых, М.Ю. Лермонтов запечатлел значительно лучше своих современников. Часть исследователей считает, что Лермонтов, как и Пушкин, остается нечувствительным к теме колонизации, другие находят, что он значительно продвинулся вперед как художник и поставил русскую литературу на совершенно новый путь изображения кавказской войны.

Ключевые слова: Кавказ, колонизация, кавказцы, война, империя, империализм, дикарь, экзотическое место, идеология.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-3-635-640

Исследования творчества М.Ю. Лермонтова и его романа «Герой нашего времени» существуют в США более ста лет. В библиографическом обзоре можно выделить как работы исследователей-славистов с русскими корнями, так и американцев, которые никогда не были связаны с Россией. Для определенного сегмента американских русистов значительный интерес представляет кавказская история, стоящая за лермонтовским текстом: жизнь имперской России в первой половине XIX в., Кавказская война и ее восприятие тогда и сегодня, взаимоотношения между русским и кавказскими народами. Такие темы начали появляться в американском лермонтоведении в 1990-х гг. остаются актуальными сегодня.

Корни этого интереса произрастают из 1970-х гг. В 1978 году в Нью-Йорке была издана книга известного американского обществоведа и культуролога палестинского происхождения Эдварда Саида «Ориентализм» [5], положившая начало исследованию колониальной темы в русской литературе. Книга стала одним из самых авторитетных изданий конца XX в. и к настоящему времени переведена на 36 языков. По мнению американского слависта Майкла Дэвида-Фокса, именно после выхода этой книги для целого ряда исследователей ориентиром стало научное направление, получившее название ориентализма. Для американских русистов книга Эдвара Саида явилась стимулом, побудившим к интенсивному изучению образов нерусских народов, в особенности народов Средней Азии, Кавказа, Закавказья и западного пограничья в русской культуре, литературе и искусстве [1]. И, безусловно, творчество М.Ю. Лермонтова и в особенности его роман «Герой нашего времени» дал американским славистам полезный материал для исследований. В настоящей статье будут рассмотрены несколько работ, изданных в США, в которых роман «Герой нашего времени» является предметом анализа именно с позиции оценки образа Кавказа и кавказских народов.

В 1992 г. выходит статья Питера Скотто, профессора колледжа Маунт Холиок «Узники Кавказа: идеология империализма в Лермонтовской «Бэле» [11]. Отмечая богатую традицию изображения Кавказа в русской литературе первой трети XIX века, он видит в кавказских историях, прежде всего, отзвук европейской романтической традиции интереса к экзотике. По мнению автора, среди всего объема литературы, написанной о Кавказе в то время – исторической, географической, этнографической, лингвистической, – доля художественной литературы была очень мала. Несмотря на большое разнообразие содержания, во всей изданной литературе, посвященной кавказской тематике, наблюдаются схожие идеологические черты. Кроме того, на русскую кавказскую литературу, по мнению Питера Скотто, оказали влияние повесть Шатобриана «Атала» и сборник Купера «Кожаный чулок», поскольку и сама кав-

казская кампания напоминала войну европейцев с коренными жителями Северной Америки, а это послужило и наследованию идеологического контекста – местный житель изображался как дикарь или, его полемический двойник – «благородный дикарь». Для той части русского населения, которая воспринимала местное население как «дикарей», кавказцы представляются народом примитивным, варварским, невежественным, воинствующим, вероломным, физически отталкивающим и ленивым [11]. Мнение автора поддерживается текстом произведения. Максим Максимыч, характеризуя местное население, называет их не иначе как ужасными бестиями, плутами и мошенниками [3]. В то время, как для другой части русского населения, представлявших местных жителей «благородными дикарями», они выделялись неиспорченными европейской цивилизацией, доверчивыми и непосредственными, как дети, поэтическими, храбрыми, в высшей степени эмоциональными и чувственными. М.Ю. Лермонтов был знаком с произведениями Купера: в письме В.П. Боткину В.Г. Белинский пишет о разговоре, который у него состоялся с писателем: «Я был без памяти рад, когда он сказал мне, что Купер выше Вальтер Скотта, что в его романах больше глубины и больше художественной целостности. Я давно так думал и еще первого человека встретил, думающего так же» [2].

Задачу своей статьи Питер Скотто видит в рассмотрении повести «Бэла» в свете культурного и исторического контекста экспансии России на Кавказе, чему, по его мнению, было уделено очень мало внимания в российской и советской литературной критике романа. Ученый утверждает, что за очень небольшим исключением, исследователи романа «Герой нашего времени» не уделяют достаточного внимания «Бэле», стараясь быстро ее миновать и сконцентрироваться на «Княжне Мери», где мир Печорина раскрывается изнутри [4]. Такой подход, по его мнению, минимизирует роль «Бэлы» до преамбулы, прелюдии к основному роману. В то же время рассмотрение связи между «Бэлой» и ее идеологическим контекстом дает серьезную базу для переоценки места «Бэлы» в романе. Повесть «Бэла» содержит внешний взгляд на идеологию, управлявшую взаимоотношениями между русским и кавказскими народами, которых первый пытался взять под свой контроль.

Скотто подчеркивает: несмотря на то, что многое было сказано о структуре повествования, и о том, как записки странствующего офицера формируют текст, очень мало внимания уделялось явному идеологическому содержанию повествования [11].

В то время, как повествователь описывает путешествие Печорина через горы, он постоянно переключается на описание местного населения – например, осетин, зарабатывающих на свою скромную жизнь перевозкой багажа русских офицеров. В романе они показаны только через восприятие Максим Максимыча, который наставляет менее опытного путешественника. Суждения Максим Максимыча об «азиатах» формулируются с большой четкостью. Его этнические стереотипы можно назвать типичными для ориенталистской практики, когда Запад имеет все права говорить о людях, которых он рассматривает [11]. Понимание восприятия Максим Максимыча очень важно, потому что именно он оглашает культурные ожидания. Когда речь заходит о том, чтобы вернуть Бэлу ее отцу, Печорин говорит Максим Максимычу, что тот «ее зарежет или продаст». Исследователь утверждает, что в идеологии российского империализма XIX в. жестокое обращение мусульманских мужчин с женщинами, регулярно использовалось как претензия к «менее цивилизованным соседям» [11]. В результате действий Печорина брат Бэлы был вынужден покинуть семью, ее отец убит и сама Бэла пала жертвой. Печорин же, озабоченный только крушением своих иллюзий, не признает размера совершенной им катастрофы и не готов брать какую-либо моральную ответственность за случившееся. Его равнодушие, корни которого произрастают из его всеобъемлющего эгоизма, стало возможным в конкретных исторических обстоятельствах. Бэла и ее семья – дикари, а соответственно, не могут быть объектом моральных, этических и даже юридических оценок, причем не только в глазах Печорина, но и в глазах «положительного» героя Максим Максимыча.

Таким образом, в повести «Бэла» американские ученые обращают внимание на идеологию, управлявшую отношения между россиянами и народами, которые они брали под свой контроль. В этом свете «Бэла» выглядит не прелюдией к роману, а противовесом, который балансирует внешний фокус с внутренним фокусом в «Княжне Мери». Сочетанием этих двух перспектив в одном романе М.Ю. Лермонтов охватывает жизнь имперской России так, как не удавалось ни одному из его великих преемников [11].

К теме империализма через призму романа «Герой нашего времени» приходит в 2000 г. еще один исследователь – Ева Томпсон, профессора Университета Райс. В книге «Знание об империи: литература и колониализм» она рассматривает вопрос о том, как отражена тема колониализма в рус-

ской литературе: «Очаровательные герои Толстого и Достоевского, Пушкина и Лермонтова, Тургенева и Чехова, Солженицына и Рыбакова являются неотъемлемой частью русского колониального проекта» [13]. Автор считает, что у русской литературы есть иммунитет против пост-колониальной критики. Так, в романе «Герой нашего времени» и русские, и американские критики не видят кровавой истории завоевания Кавказа: «Повесть “Бэла” Лермонтова вызвала много обсуждений, но не инициировала каких-либо значительных дискуссий об истории Кавказа или проблемах его коренных жителей. За некоторыми исключениями это пренебрежительное отношение поддерживалось до настоящего времени. Все началось с обзора Виссариона Белинского «Герой нашего времени», написанного в том же году, когда роман был опубликован. Белинский начал традицию удаления «туземцев» из экзистенциального и литературного пространства, представляющего интерес для критиков» [13]. Ученый приводит следующую цитату из обзора Белинского: «Глубокое впечатление оставляет после себя "Бэла": вам грустно, но грусть ваша легка, светла и сладостна; вы летите мечтою на могилу прекрасной, но эта могила не страшна: ее освещает солнце, омывает быстрый ручей, которого ропот, вместе с шелестом ветра в листьях бузины и белой акации, говорит вам о чем-то таинственном и бесконечном, и над нею, в светлой вышине, летает и носится какое-то прекрасное видение, с бледными ланитами, с выражением укора и прощения в черных очах, с грустною улыбкою...!» [13]. На основе этой цитаты Ева Томпсон делает вывод, что для Белинского смерть Бэлы это лишь случай написать о чувствах русского читателя.

Она пишет, что несмотря на то, что Лермонтов продвинулся дальше Пушкина в понимании поведения русских на Кавказе, он остается таким же нечувствительным к теме порабощения. Местные жители представлены чаще всего в негативных тонах и их мысли не представлены напрямую, они всегда интерпретируются русским персонажем. То, что касается самого главного героя, неодобрение Печорина традиционно было сосредоточено вокруг отсутствия у него жизненных целей, а не более конкретного преступления, связанного с соблазнением нерусской девочки и уничтожением ее семьи. Автор отмечает, что, как сказал сам Лермонтов, его целью было написать «историю человеческой души». Его не интересовали вопросы морали при изображении происходящего. Более того, инстинкт писателя заставил Лермонтова придать Печорину изысканность, не слишком подходящую для его военного поприща, видимо, чтобы лучше объяснить причины соблазнения Бэлы.

При всем своем отчуждении от русского самодержавного строя Лермонтов жил внутри русского этноса, который характеризовался слепотой к проблеме русского империализма. Русская колониальная история еще больше вырвалась из сферы литературной критики путем введения образа «лишнего человека» [13].

В заключении автор сетует на то, что в российской и зарубежной истории Кавказ 1820-х и 1830-х гг. видится глазами Пушкина и Лермонтова, а не глазами чеченцев, лезгинов, балкарцев или ногаев [13]. Однако такой взгляд представляется невозможным в контексте времени создания романа.

В 2008 г. выходит книга американского политолога Чарльза Кинга «Призрак свободы: история Кавказа» [9]. В этой книге рассмотрены работы многих русских писателей, в чьих произведениях показан Кавказ, в том числе и роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Хотя Лермонтов был всего лишь на пятнадцать лет младше Пушкина, разница между поколениями, по мнению исследователя, была огромной. Там, где Пушкин видел горы на расстоянии, Лермонтов видел в деталях гораздо более грандиозные подробности: бои; сожженные деревни; женщин и детей, убитых или согнанных со своих мест; воинские части, которых с триумфом встречали в покинутых ими крепостях, только затем, чтобы через несколько дней столкнуться с мстостью горных воинов [13].

По мнению ученого, Лермонтов придал более темный оттенок созданному Пушкиным «санитаризованному» образу русского завоевания Кавказа. Его героями чаще становятся дезертиры, чем доблестные офицеры, солдаты, изображенные в беспорядке битвы, а не выходящие на парад. Лермонтов бросает вызов преобладающим представлениям о кавказских аборигенах и показывает российскую стратегию как имперскую оккупацию и порабощение [13]. Всюду в романе Лермонтов переплетает детали жизни Кавказа в непростую сюжетную линию, с возами армян, вялыми осетинами и отважными черкесскими разбойниками на быстрых лошадях. Ч. Кинг отмечает игровой подход М.Ю. Лермонтова к хронологии, устремляющейся вперед и отступающей назад и заключает, что писатель поставил русскую литературу на совершенно иной путь в плане изображения кавказской войны, предполагающий более реалистичную оценку затрат – как для самой России, так и для Кавказа – из-за долгой истории сухопутных боев.

Исследователь подчеркивает неоспоримую привлекательность Кавказского региона: это место, где опасность таилась за каждым камнепадом и где обещание эмоционального блаженства компенсировалось перспективой трагедии. Быть на Кавказе означало существовать на краю, на крайних границах цивилизации, приличий и человеческих эмоций, где правила цивилизованного общества больше не применялись, а дикость была нормой [9]. Именно этот аспект он считает очень ярко выраженным в произведениях русских писателей начиная с конца XVIII в.

В 2011 г. Александр Эткинд, известный историк и филолог, советский психолог, а впоследствии британский и американский культуролог, профессор Кембриджского, Нью-Йоркского и Джорджтаунского университетов, издает книгу «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России» [7]. В 2013 г. она вышла в России на русском языке [6]. В ней он рассказывает о том, как Россия овладевала чужими территориями и осваивала собственные земли, колонизируя многие народы. Рассуждая, ученый движется от истории к литературе и обратно и называет роман «Герой нашего времени» одним из самых почитаемых литературных памятников имперскому опыту России [6]. Как и Лермонтов, главный герой произведения храбро сражается на Кавказской войне. Как Грибоедов, Печорин умирает во время дипломатической миссии в Персии. Герой лермонтовского романа блестящий и неуравновешенный, ему удастся сочетать боевые подвиги на Кавказской войне с любовными приключениями, чередующимися русских и туземных красавиц. Он противопоставлен Максиму Максимычу, бедному и одинокому офицеру оккупационной армии.

А. Эткинд показывает, как Максим Максимыч и Печорин, будучи «агентами имперской власти», российскими офицерами на Кавказе, превращаются в антропологов-любителей, которые чувствуют соблазн перенять жизнь туземцев и не видят причин этому соблазну противостоять. Несмотря на то, что в глазах Максим Максимыча азиаты «ужасные бестии», что осетины и даже их быки используют обман и саботаж («оружие слабых», так постколониальные антропологи назовут эту тактику), чтобы одурачить русских и получить от них больше денег, он демонстрирует детальное знание местных обычаев, курит кабардинскую трубку, носит черкесскую шапку, предпочитает чеченцев осетинам и все время говорит о разных кавказских народах [6].

Очерк «Кавказец» А. Эткинд называет лучшим комментарием к «Герою нашего времени», считая, что именно там Лермонтов дает этнографический анализ таких людей, как Максим Максимыч и гоголевский майор Ковалев, — верных слуг империи, офицеров и чиновников армии [6], которые отменно знают и любят своего врага и с каждым годом службы все больше «ориентализируют» себя. Разговаривая с однополчанами, они сравнивают между собой кавказские народы, учат местные языки, восхищаются тем, как горцы живут, ездят на коне, сражаются в бою, но стыдятся этой склонности при «заезжих из России». Лермонтов относится к изображенному им «кавказцу» с уважением, но критически: «Чуждый утонченностей светской и городской жизни, он полюбил жизнь простую и дикую; не зная истории России и европейской политики, он пристрастился к поэтическим преданиям народа воинственного».

А. Эткинд считает, что Лермонтов, с недостижимой для историка убедительностью показал, что даже во время кровавой войны представители доминирующей власти восхищались нравами угнетенных и подражали им [6].

В 2014 г. появилась статья Джеферсона Гатрала «Лермонтовская “Бэла” и чеченское изгнание» [8], которая впервые поднимает вопрос преподавания «Героя нашего времени» в Университете Монтклер. Он пишет, что после долгих дебатов в университете роман был включен не только в курс русской литературы, но и мировой литературы, потому что Россия в одно и то же время является Западом и Востоком и в этом плане особенно иллюстративна повесть «Бэла», которую ученый сделал основным предметом своей статьи. Он пишет, что студенты любят читать и обсуждать «Бэлу». Но при этом повесть совсем не проста. Основная ее сложность заключается в связи между выдуманной историей и кавказской войной, длившейся несколько десятков лет и исключительно жестокой и о которой так мало знают североамериканские студенты. На ее фоне происходит действие. Поэтому ученый выбирает форму семинара, а не лекции и проводит понятные студентам параллели из истории США, когда в оппозицию вступали переселенцы и коренные жители, цивилизованное противопоставлялось дикому. На этом материале фигуры Печорина и Бэлы выглядят гораздо более понятными. Кроме того, он уверен, что народы, упоминаемые Лермонтовым в романе, заслуживают не меньшего внимания, чем внутренний мир Печорина и на занятиях просит добровольцев поискать информацию в интернете об этнических группах, упоминаемых Лермонтовым в повести: чечены, осетины, грузины, татары. Лекцию профессор ставит в самый конец курса, суммируя кавказскую историю и риторику империи, стоящую за

Лермонтовским текстом. Профессор отмечает, что студенты, знакомые с монографией Саида «Ориентализм», находят множество сходств с тем, как гендерные, религиозные и этические темы преподнесены в «Бэле». Подобные аналогии, проведенные через различные имперские контексты, служат удобными отправными точками для более пристального изучения Лермонтовского текста.

Помимо политического контекста, сопровождающего кавказскую тему, исследователи из США отмечают красоту описания кавказских пейзажей. Так, Джон Мерсеро показывает, как Лермонтов использует различные приемы (метафоры, повторения слов, эмоциональную окраску, личную оценку), чтобы подчеркнуть величественность кавказской природы [10]. При этом, несмотря на эмоциональную авторскую окраску, кавказские пейзажи описаны удивительно реалистично. Они напоминают словесные картины, содержащие видимую линию горизонта, описания переднего и заднего планов и включающие в себя множество деталей. Данные элементы содержатся в каждом описании, но при этом финальный результат лишен маньеризма. Джон Мерсеро заключает, что, возможно, опыт М.Ю. Лермонтова как художника predetermined такую точность и качество описаний кавказских пейзажей и что только ему одному среди всех других писателей, бывавших на Кавказе, удалось дать такое правдивое описание этого края.

Интересное наблюдение над изображением пейзажей в романе «Герой нашего времени» делает в своем исследовании Уильям Миллс Тодд, который считает пейзажи своего рода амфитеатром действия в романе [12]. Он отмечает, что в отличие от «Евгения Онегина», Лермонтов выбрал для действия своего романа экзотические места – горную дорогу через Кавказский хребет, русский форпост среди чеченских сел, городки вдоль Военно-Грузинской дороги, логово контрабандистов на Черном море, курортные городки Северного Кавказа и казачье поселение. Автор делает любопытное наблюдение над красочными описаниями природы, которые представлены в большом объеме в повести «Бэла»: с развитием сюжетной линии они постепенно сходят на нет, также, как и описание привычек нерусских и «нецивилизованных» народов Кавказа. Параллельно этому тяжесть совершаемых преступлений нарастает.

Рассмотренные выше работы американских исследователей позволяют сделать вывод о том, что на современном этапе изучения романа «Герой нашего времени» интерес вызывает прежде всего тема формирования Российской империи и ее отражение в литературе начала XIX в. Роман «Герой нашего времени» начинает изучаться как источник информации о кавказской войне. Внимание ученых останавливается на восприятии войны и местных народов русским офицером, воюющим на Кавказе, а также на красочных и реалистичных описаниях кавказских пейзажей, которые, М.Ю. Лермонтов запечатлел значительно лучше своих современников. Часть исследователей считает, что Лермонтов, как и Пушкин, остается нечувствительным к теме колонизации, другие находят, что он значительно продвинулся вперед как художник и поставил русскую литературу на совершенно новый путь изображения кавказской войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дэвид-Фокс М. Введение: отцы, дети и внуки в американской историографии царской России. Самара: Самарский университет, 2000. 332 с.
2. Лермонтов М.Ю. в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1989. 672 с.
3. Лермонтов М.Ю. Сочинения в 6 т. М.: Издательство Академии наук Москва – Ленинград, 1957. Т. 6. С. 202.
4. Москвин Г.В. Смысл романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М, 2017. С. 42-78.
5. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2016. 672 с.
6. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. Новое литературное обозрение. М: Новое литературное обозрение. 2018. 448 с.
7. Etkind A. Internal Colonization. Russia's Imperial Experience. Cambridge: Polity Press, 2011. 264 p.
8. Gatrall J. Lermontov's Bela and the Circassian Expulsion. Academic Studies Press. 2014. P. 218-233
9. King C. The ghost of freedom: A History of the Caucasus. Oxford University Press, 2009. 314 p.
10. Mersereau J., Moore H.T. Mikhail Lermontov. Southern Illinois University Press. 1962. 176 p.
11. Scotto P. Prisoners of the Caucasus: Ideologies of Imperialism in Lermontov's "Bela" // Modern Language Association. Vol. 107, No. 2. Pp. 246-260.
12. Todd W. Fiction and Society at the age of Pushkin. Harvard University Press, 1986. 280 p.
13. Tompson E. Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism. Westport, CT and London: Greenwood Press, 2000, 239 p.

Купцова Наталья Евгеньевна, соискатель, консультант
Московский государственный университет, филологический факультет
119296, Россия, г. Москва, Первый учебный гуманитарный корпус МГУ
E-mail: kuptsova_mgu@mail.ru

N.E. Kuptsova

**THE CAUCASUS IN THE NOVEL “HERO OF OUR TIME” IN THE RECEPTION
OF THE RESEARCHERS FROM THE USA**

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-3-635-640

The article gives the detailed analysis of the perception of Caucasus in the novel “Hero of our time” by the researchers from the USA. The subject is investigated in the chronological and conceptual context, showing the different angles of interest: most researchers in the first instance see the problem of the empire creation and the treatment of local people, in the second instance they are interested in the perception of the Caucasus war by Russian officers and some of them highlight the Caucasus as the beautiful illustration to the novel scenes. The opinions of the researchers from the USA with regards to the perception of the Caucasus war by Lermontov are divided. Some of them see him being insensitive to the topic of colonization, while other authors find that he has made significant progress and put Russian literature on a completely different way of depicting the Caucasian war.

Keywords: Caucasus, colonization, caucasian, war, empire, imperialism, savage, exotic place, ideology.

REFERENCES

1. Devid-Foks M. Vvedeniye: ottsy, deti i vnuki v amerikanskoj istoriografii tsarskoj Rossii [Introduction: Fathers, Children and Grandchildren in American Historiography of Tsarist Russia]. Samara: Samarskiy universitet, 2000. 332 s. (In Russian).
2. Lermontov M.Yu. v vospominaniyakh sovremennikov [In the memoirs of contemporaries]. Moscow: Khudozhestvennaya literptura, 1989. 672 s. (In Russian).
3. Lermontov M.Yu. Sochineniya v 6 t. [Lermontov MYu. Works in 6 volumes]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk Moskva – Leningrad, 1957. T. 6. S. 202. (In Russian).
4. Moskvina G.V. Smysl romana M.Yu. Lermontova «Geroy nashego vremeni» [The meaning of the novel by M.Yu. Lermontov's “A Hero of Our Time”]. Moscow, 2017. S. 42-78. (In Russian).
5. Said E. Oriyentalizm. Zapadnyye kontseptsii Vostoka [Orientalism. Western concepts of the East]. Moscow. Russkiy mir, 2016. 672 s. (In Russian).
6. Etkind A. Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii. Novoye literaturnoye obozreniye. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. 2013. 448 s. (In Russian).
7. Etkind A. Internal Colonization. Russia's Imperial Experience. Cambridge: Polity Press, 2011. 264 p. (In English).
8. Gatrall J. Lermontov's Bela and the Circassian Expulsion. Academic Studies Press. 2014. pp. 218-233 (In English).
9. King C. The ghost of freedom: A History of the Caucasus. Oxford University Press, 2009. 314 p. (In English).
10. Mersereau J., Moore H.T. Mikhail Lermontov. Southern Illinois University Press. 1962. 176 p. (In English).
11. Scotto P. Prisoners of the Caucasus: Ideologies of Imperialism in Lermontov's “Bela”. Modern Language Association. Vol. 107, No. 2. pp. 246-260. (In English).
12. Todd W. Fiction and Society at the age of Pushkin. Harvard University Press, 1986. 280 p. (In English).
13. Tompson E. Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism. Westport, CT and London: Greenwood Press, 2000. 239 p. (In English).

Received 28.07.2020

Kuptsova N.E., Applicant, consultant
Moscow State University, Faculty of Philology
The first educational building of the humanities, Moscow State University, Moscow, Russia, 119296
E-mail: kuptsova_mgu@mail.ru